

1988 ВОПРОСЫ литературы

Основан в 1957 году

Ежемесячный журнал критики и литературоведения

Орган Союза писателей СССР и Института мировой литературы
имени А. М. Горького Академии наук СССР

СОДЕРЖАНИЕ

ЖИЗНЬ. ИСКУССТВО. КРИТИКА

- 3 М. НОВИКОВА. Когда огонь соединяется с огнем

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

- 40 А. БОЧАРОВ. Покушение на миражи

- 78 В. СЕДЕЛЬНИК. Отчаяние и надежда (Литература Швейцарии в 80-е годы)

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

- 109 Б. ГОЛЛЕР. Драма одной комедии

ПУБЛИКАЦИИ. ВОСПОМИНАНИЯ. СООБЩЕНИЯ

- 146 П. А. ФЛОRENСKИЙ. О литературе

- 177 К. ЧУКОВСКИЙ. Ахматова и Манковский.
Публикация Е. Чуковской

ЗАМЕТКИ. РЕПЛИКИ. ОТКЛИКИ

- 206 А. СААКЯНЦ. По женским представлениям...

- 211 Б. СОКОЛОВ. «Письма русского путешественника» и «Кандид»

- 216 В. САФОНОВ. распалось слово

ЯНВАРЬ

известия

МОСКВА

ДОСТОЕВСКИЙ В СИБИРИ

Книга о жизни и творчестве Достоевского как-то незаметно

* М. М. Громыко. Сибирские знакомые и друзья Ф. М. Достоевского. Новосибирск. «Наука», 1985, 168 с.; Ф. М. Достоевский. Моя тетрадка каторжная (Сибирская тетрадь). Красноярск. Книжное изд-во, 1985, 112 с.

стали обыденным явлением. Каждый год появляется по несколько новых монографий, не считая переизданий и выхода очередных томов совсем уже близкого к завершению академического Полного собрания сочинений и писем Достоев-

ского, которое сопровождается сборниками-«спутниками» («Материалы и исследования»).

Достоевский прочно вошел в нашу повседневность, в том числе и литературоведческую. Однако некоторые негативные явления в литературе главным образом последнего десятилетия не могут не настораживать. Как и повторения, топтание на месте, игра в «науку». Взять хотя бы целый блок работ о формах повествования, художественном пространстве и времени, в которых с заунывной непременностью мелькают одни и те же «типологические» формулы и всевозможные «хронотопы», сменившие предельно приевшиеся «менингию» и «карнавализацию»...

Стоило бы здесь хоть какой-то порядок навести. В конце концов, надо заслужить право писать о Достоевском. Дело ведь ответственное и необыкновенно трудное. Строгое, видимо, следует относиться и к недобросовестным спекуляциям. Не может не вызывать тревоги и то обстоятельство, что молодые ученые пренебрегают текстологией, старательно обходят архивы, видимо, полагая (не без причины), что тут весьма трудно, идя по следам многочисленных предшественников, открыть новые факты и что легче обогатить «теорию». Но фундаментальных и серьезных теоретических трудов совсем немного. Куда меньше, чем претенциозных и часто субъективистских осмыслений.

Тут царит какая-то ~~вседозволенность~~ и бездоказательность. И, может быть, поэтому так разуют книги и статьи, построенные на конкретном, фактическом материале, без претензии разрешить «сверхзадачу». А именно таковы вышедшие в Новосибирске и Красноярске книги «Сибирские знакомые я друзья Ф. М. Достоевского» и «Моя тетрадка каторжная».

Обе книги тематически, регионально и хронологически ограничены: они о сибирском периоде жизни писателя, хотя, разумеется, обращения к позднему творчеству Достоевского часты и неизбежны. Но точка отсчета — Сибирь, время катарги и военной службы писателя, то есть, казалось бы, самое нетворческое время, длительный и вынужденный перерыв в десять лет перед мощным художественным взлетом 60-х годов. Но так судить означает судить внешне и формально. Творческая мысль Достоевского не замирала ни на мгновение. Загнанная в «подполье», она с судорожной интенсивностью пульсировала в те тянувшиеся с томительной медленностью дни, когда Достоевский с тоской считал острожные пали и нес солдатскую службу. Сибирь не только время больших испытаний, страданий, но и грандиозных открытий и прозрений, бесконечно обогативших творчество Достоевского. С гордостью, надеждой и уверенностью в великим будущем писал он стар-

шему брату сразу же после выхода из острога: «Сколько я вынес из категории народных типов, характеров!.. Сколько историй бродят и разбойник[ов] и вообще всего черного, горемычного быта! На целые томы достанет... Вообще время для меня не потерянное¹.

Все это, однако, хорошо известно и многократно отражено в книгах, статьях, жизнеописаниях, и поэтому неубедительным и наивным выглядит утверждение М. Громыко, что сибирский период «остается наименее изученной частью биографии Ф. М. Достоевского», причинами чего явились «представление о нем как малозначимом для развития творчества Достоевского и трудная доступность сведений об этом этапе» (стр. 3). Напротив, в литературе о Достоевском давно уже господствует мнение, что ни один другой период в жизни писателя не получил такого мощного и разнообразного отражения в творчестве и письмах художника, как именно сибирский. Да и воспоминаний современников, как и других документальных свидетельств, сохранилось не так уж мало.

Литература о Достоевском в Сибири и Казахстане неуклонно растет. Книги, статьи, документальные повести и очерки А. Палашенкова, В. Владимирова, В. Вайнера, М. Купниковой, В. Гришаева, А. Лейфера, Е. Евсеева, И. Стрелко-

М. Достоевский.
Пол. сибир. соч. в 30-ти томах,
т. 28, кн. 1, Л., 1985, с. 172.

вой, П. Косенко — явление заметное, говорящее об успехах литературоведческого краеведения в Сибири. С почти исчерпывающей полнотой изучены обстоятельства жизни Достоевского в Сибири, круг знакомых писателя в Тобольске, Омске, Семипалатинске, Кузнецке, Барнауле, Томске.

Правда, обилье работ неизбежно приводит к дублированию материала. Так, в книге М. Громыко и статье В. Вайнера не только используются порой одни и те же архивные источники, но совпадают и выводы.

И хотя не всегда понятно, кому из исследователей сибирского периода следует отдать пальму первенства, совершенно очевидно, что архивные материалы, обильно присутствующие в книге М. Громыко, составляют ее несомненное и большое достоинство. Новые факты позволили автору установить личность человека, хранившего в остроге каторжную «тетрадку» Достоевского. Им оказался старший госпитальный фельшер Алексей Аполлонович Аполлонов, который был на этом посту на протяжении всех четырех лет категории писателя, а не Александр Иванович Иванов, как считали по сложившейся традиции (так и в академическом собрании сочинений, и даже в статье

См.: В. С. Вайнера, Омское окружение Достоевского. — В сб. «Достоевский. Материалы и исследования», т. 6, Л., 1985.

В. Владимирцева и Т. Орнатской к самой последней публикации Сибирской тетради Достоевского), Расширился список сибирских друзей и помощников писателя. Исчезло еще одно белое пятно

К зрымым результатам привели М. Громыко и другие разыскания в Государственном архиве Омской области. Удалось автору развеять легенду (к ней недавно было вновь приковано внимание публикациями в «Литературном наследстве», «Литературной Грузии» и других изданиях) о телесном наказании, которому якобы был подвергнут Достоевский в остроге по распоряжению плац-майора Кривкова. Легенда оказалась необыкновенно устойчивой, время от времени вновь всплывавшей и подновлявшейся вопреки словам самого Достоевского в письме к брату: «Началось с того, что он нас обоих, меня и Дурова, обругал дураками за наше дело и обещался при первом проступке наказывать нас телесно... Меня бог от него избавил». Каким образом «избавил», нам известно по книге П. Мартынова, воспользовавшегося воспоминаниями гардемаринов («морячков»), за какие-то невинные прегрешения разжалованных в рядовые и отправленных в начале 1850 года для несения службы в Омске. В воспоминаниях А. Ризенкампфа (и некоторых дру-

гих, впрочем, совершенно фантастических), напротив, усиленно обыгрывался факт физической расправы над писателем, что предполагало умолчание со стороны самого Достоевского, нежелание говорить о столь прискорбном событии, и ставило под сомнение точность фактов, приводимых в книге П. Мартынова.

Документальные сведения, сохранившиеся в архивах, доказали, что фактическая сторона книги П. Мартынова отличается большой степенью точности: «Результат превзошел все ожидания: подтвердилась возможность проверить подавляющую часть сообщаемых Мартыновым фактов; они оказались достоверными...» (стр. 30). А такой проверки зачастую не выдерживают и очень знаменные, авторитетные мемуары.

Чрезвычайно интересна и гипотеза М. Громыко, что автором воспоминаний о Достоевском, включенных в книгу П. Мартынова, а следовательно, и тем человеком, который отвратил нависшую над писателем угрозу телесной расправы, был Павел Брыкин. Конечно, это все же лишь гипотеза, но она гораздо более достойна внимания и доверия, чем противоречивые и опибочные воспоминания А. Ризенкампфа, подвергнутые острой и справедливой критике в книге.

Видное место удалено в книге встрече декабристов и пет-

рашевцев. Достоевский с благодарностью вспоминал о великом подвиге милосердия Н. Д. Фонвизиной, бескорыстной и трогательной поддержке дочери декабриста Ольги Аппенковой: «Скажу только, что участие, живущая симпатия почти целиком счастием наградили нас. Ссыльные старого времени (то есть не они, а жены их) заботились об нас, как об родне. Что за чудные души, испытанные 25-летним горем в самоотвержении!.. Как страницы увлекательного исторического романа читаются главы «Дочь декабриста» и «Наталия Дмитриевна и ее окружение», хотя они написаны сдержанно, даже суровато. Документальная хроника превращается в тихий человеческой солидарности и гуманизму, а факты здесь поэтичес любых лирических размышлений. Книга М. Громыко позволяет реально, в истинном масштабе оценить слова Достоевского об испытанном им в Сибири «счаствии» увидеть многочисленные нити, связывавшие петрашевцев с декабристами.

Декабристские семьи, Врангель и Валиханов, лекари, «молячки», священники, офицеры и инженеры, комендант крепости де Граве и его гуманная, просвещенная жена, лица, сопровождавшие политического преступника в Сибирь и из Сибири, и многие другие, порой лишь случайно, на какой-то

¹ Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч. в 30-ти томах, т. 28, кн. 1, с. 169.

мит встретившиеся с Достоевским добрые и благородные люди внесли посильную лепту, облегчив по возможности крестный путь писателя, в трудные минуты помогшие, внушившие надежду.

В книге М. Громыко выразительно очерчены портреты сибирских спутников Достоевского. Их оказалось много. Даже очень много, в том числе и среди «черного народа». Они прочно вошли в жизнь писателя и в его произведения: от «тетрадки каторжной» до «Братьев Карамазовых».

Несколько глав в книге закономерно отведено отражению сибирского опыта в творчестве Достоевского, прототипам героев романов и повестей писателя. Такова, в частности, одна из лучших глав книги «Зосима в Сибири», в которой догадки Р. Плетнева и М. Альтмана о прообразах героев последнего романа Достоевского получили аргументированное развитие. Не менее ценные и другие наблюдения автора: личность, жизнь и сочинения Д. А. Брянчанинова (Игнатья), выпускника главного Инженерного училища (он, кстати, персонаж «Инженеров бессребреников» и «Таинственных предвестий» Лескова), несомненно интересовали Достоевского и вполне вероятно, что отразились в «Братьях Карамазовых». Убедительно предположение М. Громыко, что фраза в «Записках из Мертвого дома» о служивших в городе знакомых и «даже дав-

нишних школьных товарищах» имеет прямое отношение к К. И. Иванову, окончившему в 1844 году офицерский класс Инженерного училища.

Не все, однако, гипотезы представляются убедительными. Сомнительно, чтобы на Достоевского оказала сколь-либо значительное влияние книга Иннокентия (И. А. Борисова) «Последние дни земной жизни господа нашего Иисуса Христа», хотя бесспорно, что он прочел ее впервые в Сибири в журнале «Христианское чтение», доставленном священником А. И. Сулоцким, и три издания этого сочинения были в библиотеке писателя. Вряд ли легенду о луковке Достоевский услышал в Сибири. Еще более сомнительно, что облик Екатерины Ивановны Капустиной присутствовал в ассоциациях писателя, когда он писал Мармеладову в «Преступлении и наказании» и назвал ее Катериной Ивановной... Во всяком случае, допущение этого прообраза ближе к реальности, чем совершенно неоправданное, на наш взгляд, сближение Катерины Ивановны Мармеладовой с первой женой Достоевского. Указание на М. Д. Исаеву как на прототип Мармеладовой было сделано впервые А. Г. Достоевской и диктовалось скорее ее ревнивым отношением к прошлому Федора Михайловича, чем литературным чутьем, проявленным ею в других случаях» (стр. 156—157). Трудно согласиться с такими рас-

суждениями и логикой. Положим, Анна Григорьевна действительно относилась пристрастно и ревниво к первой жене Достоевского, но здесь-то как раз она объективна: реальные основания для сближения М. Д. Исаевой и Мармеладовой очевидны. Разумеется, ничего компрометирующего Марью Дмитриевну в таком сближении нет. Что же касается Е. И. Капустиной, то с ней Достоевский познакомился, уже уезжая из Сибири, в Омске, где задержался всего на несколько дней. Знакомство было из приятных. «Хорошее семейство» Капустиных запомнилось Достоевскому. Позднее он через Валиханова послал Екатерине Ивановне свои сочинения с автографом. Ясно, что этих фактов недостаточно для того, чтобы даже в гипотетическом плане сближать жену сибирского чиновника с героиней «Преступления и наказания».

Иногда, к сожалению, пристрастия автора приводят к тенденциозным и несправедливым оценкам событий и людей, издержкам и преувеличениям. В книге М. Громуко не приятно поражают страницы, посвященные С. Ф. Дурову. Известно, что между Достоевским и Дуровым никогда не было теплых и дружеских отношений, как, впрочем, соперничества и тем более вражды. Достоевский имел достаточно времени изучить характер и привычки товарища по несчастью. Знаком был с обстоя-

тельствами жизни Дурова до категорий и после них. Наброски в записных тетрадях (в том числе подготовительные материалы к роману «Бессы») свидетельствуют, что личность Дурова и некоторые обстоятельства из его жизни находились в поле внимания писателя. С некоторой долей уверенности можно предположить, что именно в жизни и характере Дурова интересовало Достоевского и в какой степени отразилось в его произведениях. Для более серьезных выводов оснований нет, а то, что говорится о Дурове в книге М. Громуко, лишь убеждает в реалистичности и этичности именно осторожных, гипотетических предположений, — вряд ли Дуров «присутствовал» при создании «типа» Степана Трофимовича Верховенского «в гораздо большей степени, чем это обычно учитывается» (стр. 161). Портрет Дурова в книге дан как бы пристрастными глазами Достоевского: «...вся эта аффектация, мелодраматичность и слабость его не могли не раздражать Федора Михайловича при длительном общении» (стр. 158). Похоже, что еще больше, чем Достоевского, раздражает «эстетик» и «приживальщик» Дуров М. Громуко. Странное и некорректное отношение к трагической судьбе и личности талантливого и благородного человека — а именно таким Дуров запомнился большинству современников.

И еще об одном необходимо сказать несколько слов. М. Громуко останавливается главным образом на светлых фактах. На первом плане друзья, помощники, люди высокой души и редкого мужества. Акцент очень понятный, оправданный и все же несколько искажающий подлинную, реальную картину «Достоевский в Сибири». В «Записках из Мертвого дома» и особенно в сибирских письмах Достоевского картина гораздо мрачнее, чем в ретроспективных, смягченных, отчасти идеализированных поздних воспоминаниях. Исследователь обязан учитывать временную деформацию и, снимая слои красок, восстанавливать истинный характер событий, всю реальность, а не одни лишь отрадные мгновения. Между тем М. Громуко с явной неохотой обращается к трагической стороне жизни Достоевского в Сибири, к мрачным и повседневным фактам, к тем лицам из «окружения» писателя, от произвола и гнусных доносов которых не всегда могло спастися узника доброе, но осторожное и дипломатичное отношение начальства. Конечно, фигуры «фатального» прапорщика Кривцова никак не минуешь в любой книге и статье о каторжных годах Достоевского. Имена палачей, доносчиков, ретивых или трусливых гражданских и военных чиновников, от которых более всего зависела тогда жизнь Достоевского, должны быть сохранены в па-

мята потомков. Они, непременные и привилегированные обитатели «Мертвого дома», неотъемлемая часть как биографии Достоевского, так и исторического прошлого России.

Иного рода, нежели монография М. Громыко, книга «Моя тетрадка каторжная (Сибирская тетрадь)». Собственно, это публикация самой ранней (из дошедших до нас) записной тетради Достоевского, бережно сохранившейся писателем, послужившей бесценным подспорьем в труде художника и публициста. Сибирской тетради, в отличие от других записных книжек Достоевского, не очень повезло в академическом собрании, где она была набрана петитом и снабжена слишком уж скучными комментариями. Некоторые записи не удалось разобрать, или они были прочтены приблизительно, неверно. Новое издание исправляет эти текстологические недостатки. Самых добрых слов заслуживают пространные, насыщенные примечания буквально ко всем записям тетради. С почти исчерпывающей полнотой изучены В. Владимировым и Т. Орнатской фольклорно-этнографический и биографический пласты этого единственного в своем роде литературного документа. Многие записи объяснены заново и весьма убедительно. Приведу всего одну иллюстрацию. В четвертом томе академического собрания загадочная запись «Трека, чеква, пятитка, полняк» расшиф-

рована так: «Трека, чеква, пятитка — по-видимому, обозначение чисел на тюремном языке. В указанных выше словарях тюремно-арестантских и воровских жаргонов данных слов нет. Полняк — «армяк», «порты» и «коты», т. е., очевидно, полный комплект арестантской одежды...»⁵. Объяснение не просто приблизительное, но и ошибочное, что убедительно доказано В. Владимировым и Т. Орнатской в статье «Сибирская записная тетрадь Достоевского». «Полняк» — высшая мера телесного наказания: 12 тысяч ударов палками. Соответственно, трека — 3, чеква — 4, пятитка — 5 тысяч ударов. Зловещая народная «арифметика», жертвы которой так часто приходилось видеть Достоевскому в остроге.

Достоевский много раз обращался к Сибирской тетради, обильно цитируя ее в «Записках из Мертвого дома», «Дядюшкином сне», «Селе Степанчикове», «Униженных и оскорбленных», «Преступлении и наказании», «Идиоте», «Бессах», «Подростке», «Братьях Карамазовых», статьях и «Дневнике писателя». Поистине неисчерпаемый источник, к которому Достоевский прибегал с поразительным постоянством на протяжении четверти века. Среди всех записных тетрадей писателя «сибирская» — едва ли не самая важная. Совершен-

⁵Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч. в 30-ти томах, т. 4, с. 317.

но справедливо заключают В. Владимирцев и Г. Орнатская, что «тетрадка каторжная» — «не второстепенного значения копия раздробленных кусочков действительности, но зеркало напряженной мысли Достоевского-литератора, документально-художественное отражение внешнего и внутреннего бытия

его» (стр. 47). Новое издание Сибирской тетради, этого «универсального памятника русской демократической культуры», по определению Д. Лихачева — автора предисловия к книге,— явление примечательное и отрадное.

В. ТУНИМАНОВ

г. Ленинград